

КИМ ГЕНРИ

16+

ОТЕЦ

Генри Ким

Отец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62162176

SelfPub; 2022

Аннотация

Отец – это второй по значимости человек в жизни каждого ребёнка, а иногда и больше. С помощью отцов вырастают в мужчин, а рядом с детьми мужи становятся отцами. Отец – это пример для каждого человека. И хоть мы, дети, любим их, они тоже дети, и тоже совершают ошибки. Но страшней всего, когда само отношение становится ошибкой.

Генри Ким

Отец

Мне было пять, когда отец оставил нас. О самом разводе я мало что помню, но мама говорит, что он много пил и когда мы спали в одной кровати (первый мой дом был очень холодным), папа поливал нас водкой. Или отец со временем изменился, или моя мама преувеличивала. Лет с десяти и до сих пор я общаюсь с ним, и никаких плохих черт, помимо жёсткости, не заметил. Но речь не о нём.

После развода мама вскоре вновь вышла замуж. Незнакомый дядя мне сразу понравился: он играл со мной, принёс домой приставку, разные вкусные продукты и сладости. Мы с мамой жили бедно, и мне очень понравилось, что можно было есть больше одного яблока в неделю. К тому же он был высоким, усатым и милиционером, и я с каким-то почтением смотрел на него, с восхищением. Поэтому, после нескольких месяцев общения, в день свадьбы, когда столы накрывались, а гости съезжались, я ползал под столами (что было одним из моих любимых занятий), и назвал дядю Сашу папой. Помню, как откинул в сторону страх, и позвал: «Папа, а что там то-то то-то» – точной просьбы не помню. Я был смышленным и знал, что так будет правильно. Думаю, папа тогда обрадовался.

Позже я стал понимать, почему они так быстро пожени-

лись: девушке с ребёнком очень непросто было бы найти супруга, а раз дядя Саша был не против, то и тянуть не стали. Мама красива и умна, скорее всего, это и были решающие факторы его выбора.

И началась наша счастливая семейная жизнь. Больше никаких скандалов и пьянок. Лишь однажды, перед свадьбой, когда я уж слишком разбаловался, в воспитательных целях (что я, кстати, и сам одобряю в разумных количествах) шлёпнул меня по попе, но мать жёстко одёрнула его.

– Своего ребёнка могу трогать только я, – сказала тогда она, обозначив свою непоколебимую позицию, и с тех пор отчим меня только журил. Какое-то время.

Время шло, у меня появилась сестрёнка, и какое-то время всё шло просто отлично.

Событие, о котором я хочу рассказать, произошло, когда мне было четырнадцать. К тому времени радужность семейных будней потемнела.

Уже пару лет отчим, которого я всегда называл отцом, был практически безработным. Уволившись из милиции, он месяц-другой пытался где-то работать, а после отдыхал дома. Как человек, не умеющий работать, он не умел и отдыхать.

Не умел он и пить. Как выяснилось позднее, после разбирательства этого и подобных случаев, выяснилось, что у отца нет «гена сопротивляемости алкоголя», мол, он не может остановиться, если выпил хоть стопку, по крайней мере, так

объяснял психолог. Так вот.

В тот день, вернувшись из школы, я обнаружил пьяного отца. Он сидел за подарочным от пивной компании столом и курил трубку. На голове его красовался чуб, ведь он всегда хотел походить на степного казака, взгляд его был задумчивым и таким проницательным, что сразу становилось интересным, о чём он думал. По всему двору частного дома в небольшом городе носились куры. На столе лежала кошка, ещё одна тёрлась о папину ногу. Собака лаяла на кого-то за забором. Отец, чуть прищурившись, смотрел в траву, временами выпуская дым изо рта.

Со стороны эта картина могла показаться забавной, но меня тогда она нисколько не заинтересовала. Не поздоровавшись, я кинул презрительный взгляд и вошёл в дом.

В доме был большой беспорядок: папина куртка и джинсы валялись в коридоре, в зале по полу разбросаны шахматы и пластиковые стаканы, помята постель. Я не видел и не слышал мамы, и оно понятно: будь она здесь, беспорядка бы не было. Когда она в гневе, ей не терпится занять чем-нибудь руки.

– Мам, – позвал я, – ты дома? Никто не ответил. Тогда мне показалось, что дома не было и сестры. Я прошёл в гостиную, и заглянул в нашу с сестрой комнату. Двухъярусная кровать, коляска с пупсом, поставленный на паузу мультфильм на телевизоре. Никого.

Спальня родителей была закрыта. Подумав, что мама спит после очередной ссоры, я стал тихонько выдвигать шпингалет, чтобы посмотреть, кто именно в комнате, но, потянув на себя створки, обнаружил, что изнутри их что-то держит. Решив, что вытащил засов не полностью, я одной рукой потянул его вниз, а другой – за ручку двери. Створки выдвинулись, но вновь вернулись на место.

– Прочь, тварь! – вылетели гневные слова из спальни. От этих слов стало жутко. Их прорычала мама.

– Мам, это я, – проблеял я, виновато и настороженно сведя брови. – Что случилось?

В те несколько секунд, пока дверь не открылась, мне в голову приходили самые разные представления: я ожидал увидеть её избитой, может, измученной мигренями, может испуганной, может сонной, может вместе с сестрой.

Когда створки распахнулись, я увидел у её носа платок. Как она пояснила, кровь текла от давления, но его ей поднял отец. Я видел слёзы в её глазах, видел бесконечную усталость, выцветающие волосы от нескончаемой терпимости. Я видел собственную беспомощность в её глазах.

Сестра, действительно, была с ней. Шестилетний ребёнок очень боялся пьяного отца. Бывало, когда она была поменьше, бойко прогоняла его на улицу, толкала ноги с криками: «Уди! Ууди! Иди в баню, папа!» Со временем бесстрашие пропало, потому что она стала понимать больше о том, что может сделать пьяный человек.

Тогда я был гораздо терпеливее, но всё же видеть её в таком состоянии не мог. И всё же я принял решение избавиться от отца, ради благополучия матери.

Задача: сделать так, чтобы отец ночевал в бане, а не храпел и вонял перегаром дома. Но как это сделать? Действовать с помощью физической силы я не мог: что может сделать подросток двухметровому лейтенанту в отставке? Уговорить его было невозможно, поэтому я лишил его путей отступления. Часто, когда отец валялся пьяный на полу или диване, мама или я, обшаривали его куртку на предмет денег, ключей от машины, кредитных карт или чего-то ещё, способного причинить вред семье. Обыск не решал проблем, однако смягчал их в краткосрочной перспективе. Но я не мог надеяться на мирный, самопроизвольный исход, поэтому обманул отца.

У папы был преданный друг – собутыльник по кличке или фамилии Никадров. Чаще всего именно от него он возвращался нетрезвым. От Никадрова всегда были одни проблемы, но в тот день он нам помог.

Незаметно я взял ключи отца от дома с холодильника, положил в карман и подошёл к нему.

– Пап, там Никадров тебя зовёт. Около дома стоит.

Отца словно вырвало из оцепенения. Он очень нахмурился, как бы подобрался, приподнялся и развернулся ко мне. От него зверски несло перегаром.

– Где Никадв? – проямлил он. У него всегда были про-

блемы с дикцией, а пьяный он и вовсе не выговаривал слова.

– На углу ждёт, пап. Сказал тебя позвать.

Не сразу поймав соскользнувший с ноги тапок, он направился за ограду. Провести малейшее логическое умозаключение: то, что Никадров не мог меня позвать, ведь я только что вышел из дома – у него не получилось, и он пошёл искать ветра в поле. Я проводил его нелепое торопливое движение до ворот, и схватил куртку, что лежала на стуле рядом со столом, и забежал в дом, заперев входную дверь и дверь на веранду. Выдохнул. Готово. Он на улице без денег и ключей. По сути, я выдворил его, но что дальше?

Что делать, если он не пойдёт спать в баню, где обычно расстилает шубы, куртки и дублёнки, чтобы ночью согреть бездомных кошек со всей округи. Что предпринять, если в нём не проснётся совесть?

Следующие пять минут я словно висел на волоске. Мы с сестрой наблюдали за отцом в окно, за тем, как он шатался на перекрёстке, озираясь во все стороны, потом, видимо, выругался и пошёл в сторону дома.

То, что произошло дальше, я не мог себе представить, хотя это было просто донельзя. Он стал выламывать дверь.

Обычный человек постучался бы, позвал кого-нибудь открыть. Отчим не стал церемониться: побродив по двору, он потратил на стук секунд пять, затем сжал крепкие пальцы на дверной ручке, и стал выдёргивать затвор. От его рывков дом

сотрясался, и мама с сестрёнкой, переместившиеся в зал, со страхом и беспокойством слушали, что происходит снаружи.

Через минуту послышался резкий хруст. Как выяснилось позже, замок вылетел вместе с косяком. Тяжёлые шаги затопали по скрипучему полу веранды. Большой железный крючок дёрнулся к тяжёлой осиновой двери.

По телу пробежала дрожь. Слева от меня, в зале, на диване поджали ноги под себя побледневшая мама и уже готовая заплакать сестра. Мне никогда в жизни не было так страшно, как тогда.

Крепкая осиновая дверь, на совесть, поставленная моим дедом, ходила ходуном: взад-вперёд, взад-вперёд, взад-вперёд.

– Дзынь – дзынь, – звук соприкосновения крючка с металлом сочетался с – Щёёёлк – щёёёлк, – засовом, стучащим о стенки замка. Тот звук иногда возникал в моих кошмарах.

Краска с крючка крошилась и сыпалась, а я так и не понимал, что нужно отчиму. Словно в фильмах ужасов, из-за двери слышались какие-то крики, истошный ор и нечленораздельный вопль; я не мог разобрать вообще ничего, у него пьяного вконец развязался язык. Но врезанный дедом, на совесть, замок внушал доверие.

Он рвал и рвал, дёргал и тащил, а дом трясся и замок портился. Я схватился одной рукой за ручку, а другой за косяк двери, и потянул на себя. Теперь ему уже не так просто было трясти дверь, но он не прекращал.

– Кпуссстии! – расслышал я от отчима.

– Иди спать в баню! – громче, чем хотел, проорал я, и мать с сестрой, наверняка, услышали нотки истерики.

Пока я тянул дверь, у него не получался ни Щёлк, ни Дзынь. Тогда я испытывал самые странные искажённые эмоции в жизни. Я ощущал себя сильным, в голову приходили мысли о защитнике, и от этого ненормального задора подёргивался уголок рта – так и просилась улыбка. А ещё я ощущал некое чувство безопасности, возможно, мать с сестрой его чувствовали тоже. Пока отец не взялся за лом.

С первым ударом вся радость ушла. Со вторым на пол посыпалась штукатурка. С третьим сердце чугуном упало в пятки. Мать вскрикнула, а сестра заревела.

– Открой ему, чёрт с ним! – истерично взвизгнула мать.

– Кпуссктии, сууккаа! – прочавкало с веранды существо, ломающее дверь. Отчим не мог говорить вообще, только пыхтел, и от этих звуков становилось по-настоящему жутко. Слушая его тогда, нельзя было наверняка сказать, на каком языке он пытается что-то сказать.

Словно дробил уголь, он бил большим двуручным ломом по замку двери. Бум, бум, бум. Я подставил плечо под дверь, и оно в раз онемело. Я не понимал, как замок ещё держался.

– Пусти его, он дверь сломает, – просила, покачиваясь, словно в трансе, мама.

Бум, бум. Лязг железа по замку. Бум.

– Ой, да что же это, дверь новую покупать! Что же про-

исходит такое? – плакала мама, поглаживая сестрёнку по голове.

Бум, бум.

Я был в ступоре. Не мог пошевелиться, ни слова сказать, даже дышать нормально не получалось. Дыхания как будто не было. Сердце яростно стучало где-то глубоко внутри, но воздуха, наполняющего лёгкие, я не чувствовал. Вытаращенными, пустыми глазами в атрофированной голове я смотрел на пульсирующую дверь. Бум, бум. Господи, какой ужас!

На пороге моего дома стояло зло, а на плечах лежала огромная ответственность. Я не мог шелохнуться.

– Ааааааа! – заорал монстр из-за двери, и швырнул лом на пол. Никогда не думал, что человек может превратиться в такое.

На некоторое время всё затихло. Я слышал, как шаги удалились с веранды, а затем вернулись. Щёлк-щёлк, дзынь-дзынь – дверь снова ожила. Теперь отец рубил её топором.

– Уходи! – кричал я ему. – Иди, спи в баню!

Я держал дверь, чтобы он не вырвал крючок, попеременно дёргая и стуча топором.

– Иаакхаауэр! – рычало чудовище и продолжало рубить. Я не поворачивался, не желая видеть, что происходит с матерью и сестрой. У мамы был уже окрепший ум, но для ребёнка в таком возрасте, наблюдать подобное – минимум одна психологическая проблема на оставшуюся жизнь.

И это, именно это представление, ужас, крошащий нервы,

страх за родных разожгли в моих глазах пламя. В сумраке забитого, законопаченного, словно в щели общественной бани, людского непонимания сверкнула искра. Щелчок по огниву, и огонь. Гореть будет всё!

Холодильник, стоящий у двери, словно сам открылся, полупустая бутылка шампанского сама оказалась в руке. Ноги шире плеч, грудь навывкате. Когда-то я уже делал это. Я был готов.

Ручку двери больше не дёргали, никто её не держал. Отчим безжалостно выламывал замок протиснутым в щель топором. Скоро дверь откроется. Но решение уже принято. Ни одной мысли помимо этой. Актёры за сценой и готовы, зрители самостоятельно заняли свои места, никто им не указывал, никто не использовал. Чем больше используешь человека, тем больше он видит шансов использовать других.

В какой момент я понял, как всё идеально. С какой эпичностью наступает смена ролей. Теперь я же не плачущий ребёнок, над которым стоит отец с ремнём.

– Не надо, папочка! – я больше не закричу такого.

Теперь я сам папочка. Теперь в моей руке ремень.

Яростный хруст двери, от которого раскалывается мозг. Отчим отогнул дверь настолько, что личинка замка ударила со звоном по проходившей по полу батарее. Топор, протиснувшись в щель, ударил по крючку, тот слетел и дверь открылась. В следующую секунду я увидел его лицо.

Этот момент был одним из тех, которые в мельчайших деталях запоминаешь на всю жизнь. Красное, вздущееся от злости лицо со скалящимися зубами и всепожирающим взглядом не имело ничего в себе от моего отца. Оно словно застыло в невесомости, пока я считал, сколько на нём вен, пока рассматривал, как широко раздвинуты губы. Два ряда желтоватых зубов, морщины, приподнятые скулы. Какая-то грязь за ухом. Медленно – медленно – медленно его лицо двигалось вперёд. Он шагнул через порог.

Препятствий между нами больше не оставалось: обе двери выломаны. От мамы с дочкой его отделял только я. В его руке топор, в моей бутылка шампанского. Я уже делал это однажды, и не сомневался, что смогу повторить тот удар. Пена, брызги во все стороны, разбитые осколки на полу, осевшее тело с пробитой головой. И он роняет топор.

И он роняет топор. Тот словно сам вывалился у него из рук. Отчим, не обращая на это внимания, на меня, на маму с сестрой, вообще ни на что не обращая внимания, бросился к стоящей в прихожей вешалке с обувницей. Он начал рыться в своих куртках, трясущимися руками выворачивал карманы, пробежал глазами по содержимому. Не вставая на стул, он встал ногами на нижний ящик, и конструкция резко накренилась: из-под неё вылетела ножка или подпорка, и всё, что было месяцами-годами накидано наверх, посыпалось вниз. Обои, документы, чеки, справки, файлы, таблетки, скрепки. Отчим упал на колени и стал копаться в этом

барахле. Раскидав по сторонам хлам, он поднёс к синееющему рту ингалятор. Ингалятор! Мать его, ингалятор! ОН, СУКА, ЗАДЫХАЕТСЯ!!

Из препарата вылетело два пучка капель, и ни капли больше. Старый, просроченный, использованный. Его было мало. Нужно ещё! Он схватил другой, но тот оказался пустым, третий – без толку. Но даже от пары вдохов ему стало легче, и он добрался до спальни, где взял в аптечке новый ингалятор, побрызгал в рот, и прямо там и осел на пол. Через минуту он вышел на улицу, и в ту ночь не ночевал дома.

Ошарашенный, обезумевший, ошеломлённый я поставил бутылку в холодильник и опустился на стул. Трясущиеся ноги вмиг стали ватными. Я что-то отвечал маме, может о чём-то думал, беспокоился. Не помню ничего, кроме клеёнки на столе кухни. На ней были изображены различные фрукты, и стояли две корзинки: одна с сухарями и печеньем, другая с хлебом. Помню, как откусил сухарь и не стал жевать. Мы никогда не говорили об этом происшествии.

В создании обложки было использовано изображение с сайта

https://unsplash.com/photos/gzhyKEo_cbU